

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Федосова Егора Андреевича
«Советская визуальная пропаганда и геополитическая идентичность
населения СССР в условиях холодной войны (1946-1964 гг.)»,
представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

В условиях продолжающегося кризиса идентичности наших соотечественников на всём пространстве бывшего СССР совершенно естественно заинтересованное внимание, проявляемое в обществе и науке к проекту советского человека. Применительно к этой актуальной во всех смыслах проблеме опубликовано множество научных и публицистических работ. В обществе сложились определенные, порой диаметрально противоположные, взгляды в отношении к бывшему партийному тезису о «новой исторической общности – советском народе». По этой причине можно только приветствовать обращение автора диссертации к обозначенной проблеме и попытку приблизиться к объективному ее решению.

Обратим внимание на логику и аргументацию автора в актуализации проблемы, построении структуры исследования, подборе источников, выборе методологии, понимании новизны и практической значимости диссертационной работы, формулировании защищаемых положений и выводов.

Автор, с полным на то основанием, полагает, что общественно-политическая *актуальность* исследования связана с выявлением устойчивых элементов и ценностей отечественного самосознания в интересах современной официальной идеологии и политики в условиях нового международного противостояния. Добротный историографический анализ, проведённый Е. А. Федосовым, показал, что изучение проблемы конструирования различных типов идентичности во взаимосвязи с идеологией и пропагандой на материале визуальных источников применительно к периоду холодной войны в исторической науке ещё не проводилось. Можно согласиться с выводом о том, что в существующих исследованиях на тему международных отношений в период глобальной конфронтации акцент преимущественно делается на образе врага, оставляя за рамками анализа образы *своего и невраждебного другого*.

Представление о научной новизне диссертации складывается из логики её обоснования автором и контекста всей диссертации. Не вызывает никаких противоречий определение Егором Андреевичем научной новизны через комплексность изучения теории и практики советской пропаганды в формировании геополитической идентичности, основанную на массовом анализе массовых визуальных источников (плакатов и карикатур).

Определение объектной и предметной областей исследования проведено достаточно корректно, что позволило автору точно определить цель и задачи диссертационной работы, связанные с выявлением геополитической идентичности населения СССР. В то же время, на наш взгляд, *установление хронологических и территориальных рамок* исследования должно следовать за объектом исследования, т.к. это диктуется логикой ограничения предмета в более широкой объектной области.

Не вызывает возражений определение хронологических границ начального периода холодной войны. Однако проведение исследования именно в этих рамках связано с вполне определёнными сомнениями – ведь, как известно, холодная война завершилась в конце 1980-х гг. Соблюдение принципа объективности в работе историка диктует необходимость изучать логически законченные процессы, которые позволяют выявить все особенности и закономерности развивающегося явления. Ведь только применительно к ним можно сделать взвешенные выводы.

Кроме того, автор вышел за рамки обозначенной хронологии и в разделе 1.3. посвятил более 20 страниц своей работы периоду 1930-40-х гг., что вкупе с другими излишествами привело к неправомерному увеличению объема диссертации (вопреки существующему стандарту).

Структура работы коррелирует с определением объекта и предмета исследования, подчинена реализации заявленной цели, она представляется вполне логичной и способствует решению поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, объёмного блока приложений, напрямую связанных с контекстом исследования.

Высокой оценки заслуживает и определение *методологической основы* исследования. Автором использованы теоретические подходы целого ряда гуманитарных дисциплин: собственно истории, исторической имагологии, философии и социальной антропологии. В качестве методологических Егор Андреевич выделяет принципы историзма и системности, по какой-то причине «забывая» аксиологический, хотя исследование связано именно с системой ценностей. Опора на принцип системности автоматически вызывает необходимость использования системного подхода, как правило, реализуемого через системно-структурный и структурно-функциональный методы. Их следов в описании методологии мы не обнаружили.

Несколько позже, определяя *степень достоверности* результатов работы, автор называет принципы научной достоверности и объективности. Нам представляется, что принцип научной достоверности вполне исчерпывается соблюдением принципов историзма, системности, объективности и не несет

в себе дополнительного содержания. Объективность же определяется использованием двух основных познавательных функций: правильным определением предмета исследования и реконструкцией его как целого, единого явления. В данном случае, такая целостность, как уже указывалась выше (применительно ко всему процессу холодной войны 1940-80-х гг.) нарушена.

Особой положительной оценки заслуживает виртуозное использование технологии методов анализа визуальных источников и их интерпретации (вполне органично дополняемых методиками контент-, интент-, дискурс-анализа). В отечественной методологии разработка этих методов явно является слабым звеном.

Использование специально-исторических методов ограничено историко-генетическим и историко-сравнительным, «за бортом» остались историко-системный, историко-типологический, классификационный, историко-динамический, синхронный и диахронный. В то же время, не называя некоторые методы, автор стихийно их использует. Хотелось бы видеть более точной рефлексии по этому поводу.

Особого внимания и оценки заслуживают *источники исследования*, базовой частью которых стала уникальная подборка визуальных источников – более 7000 плакатов и карикатур. Материал такого объёма и качества в связи с рассматриваемой темой нам ещё не приходилось встречать ранее. В дополнение использованы делопроизводственные материалы, документы КПСС, периодика, источники личного происхождения, как письменные, так и устные (созданные автором в результате проведённого глубинного интервью). Таким образом, задействованы три типа источников из четырёх существующих. Видовое разнообразие источников менее значительно – отсутствуют материалы статистики, публицистики, произведений литературы и искусства.

Существует иное мнение по расположению разделов источники и методология во Введении. Методологию исследования логичнее определять после анализа источниковедческой базы, т.к. выбор теоретических подходов и конкретных методов исследования зависит в первую очередь именно от особенностей источников.

Не вызывает сомнения *научно-практическая значимость* исследования, проведённого в рамках задания Минобрнауки России и апробированного на 15 конференциях разного уровня. Впечатляет высокая *публикационная активность* автора, который в период с 2011 по 2018 гг. опубликовал 25 статей в изданиях с высоким индексом цитирования.

Положения, вынесенные на защиту, подтверждают сформулированные цель и задачи работы, её научную новизну. *Выводы заключения*

конкретизируют положения, вынесенные на защиту, и представляют их в развёрнутом виде. В Заключении практически нет выводов по разделу 1.3, где анализируется пропаганда 1930-40-х гг. В то же время, есть ряд существенных дополнений по некоторым позициям. Например, «Тенденции визуальной пропаганды, проявившиеся в рассматриваемый период в равной мере и на внутреннем, и на международном направлении, свидетельствуют, как ни парадоксально это прозвучит, о росте аполитичности образа положительного героя. Лозунговая призывность, если она вообще наблюдалась, всё чаще касалась вопросов либо чисто бытового, либо общечеловеческого блага, а большие коммунистические идеи, уже не находя оригинальной визуализации, превращались в бессодержательные абстракции, которые все меньше могли претендовать на то, чтобы взволновать общество» (с. 266). Или: «В целом, к концу рассматриваемого в диссертации периода советской визуальной пропаганде становилось всё сложнее поддерживать в обществе состояние определенного мобилизационного подъема. ...Парадоксальным образом коммунистические идеи перестали восприниматься и властью, и обществом как ценности, которые необходимо отстаивать не на словах, а на деле» (с. 268). Кроме того, Егор Андреевич выдвигает гипотезу в развитие исследования проблемы: «Проведённый в диссертации анализ также позволяет осмыслить проблемы идеологической работы в СССР в поколенческом и даже демографическом измерении ...» (с. 268).

Рассмотренная в диссертации тема имеет большой *потенциал для последующей разработки*, основные направления которой определены автором (см. с. 269).

Анализ контекста разделов диссертационного исследования показывает владение автором методами источниковедческого анализа и заявленными в методологической части Введения теориями и методами. Особенно важно подчеркнуть стремление Е. А. Федосова следовать принципу объективности в оценке тех или иных событий прошлого, в анализе содержания источников. С одной стороны, автор явно симпатизирует точке зрения так называемых «левых евразийцев» на революционный процесс в России, на роль в нём В. И. Ленина как «гениального политика-реалиста»; утверждает, что идеология большевизма совпадала «с представлениями массы советских людей о марксизме и не вызывала внутреннего противоречия» (с. 37). Более того, Егор Андреевич утверждает что «с философской точки зрения большевизм изначально был идеологией позитивного *действия* и, несмотря на свою революционность, *созидания*, а также глубокой *веры* в мессианский идеал будущего» (с. 204) («забывая» о множестве утопических учений с такими же характеристиками в прошлом).

С другой стороны, он совершенно справедливо констатирует, что картина мира, укрепившаяся в визуальной пропаганде еще с военных лет (с приоритетом классово-борьбы), оказывала заметное влияние как на её авторов, так и, в конечном счете, на её зрителей (с. 169). А события 1964 г. и последующих лет характеризует как «тревожный признак идейного истощения агитаторов, которое по времени совпало со снижением административного контроля над созданием плакатной продукции. Кризис действия в советской пропаганде подошел вплотную к вопросу о *вере* в её призывы» (с. 206). Далее автор отмечает: «Плакаты на международные темы в отдельные годы (1956, 1960, 1964) вообще были практически полностью деидеологизированы, приковывая внимание зрителя скорее к общечеловеческим ценностям» (с. 203); «В каком масштабе озвученные мнения (*официально одобренные для отображения в пропагандистских и агитационных плакатах – ВМК*) были распространены в советском обществе, и какую роль они играли для людей, которые вовсе не сформировали чёткой точки зрения на внешнеполитические процессы, установить практически невозможно» (с. 262). Демонстрируется и разная палитра мнений советских граждан по поводу кризисных событий в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии.

Переходя к *критической части отзыва*, отметим, что

1. Соблюдение принципа объективности диктует необходимость изучать логически законченные процессы, которые позволяют выявить все особенности и закономерности развивающегося явления. По этой причине следовало бы в предмет исследования включить весь период холодной войны (например, с 1946 по 1989 гг.), не ограничиваясь начальным её этапом.

2. Объём диссертации намного превышает стандартно допустимую норму.

3. В методологическом разделе следовало бы упомянуть аксиологический принцип и описать системный подход с соответствующими ему системно-структурным и структурно-функциональным методами. К перечню использованных специально-исторических методов можно было добавить историко-системный, историко-типологический, классификационный, синхронный и диахронный.

4. В Заключение неплохо было бы развернуть выводы по разделу 1.3., где анализируется пропаганда 1930-40-х гг.

Данные замечания в большинстве своём носят *рекомендательный характер* для дальнейшей работы диссертанта над этой темой и не влияют на положительные оценки качества рукописи, которые сделаны нами выше. Работа Е. А. Федосова написана грамотным, профессиональным научным языком, текст автореферата полностью соответствует основному контексту диссертации.

Диссертация Е. А. Федосова «Советская визуальная пропаганда и геополитическая идентичность населения СССР в условиях холодной войны (1946–1964 гг.)», соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 28 августа 2017 г.), а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
 профессор кафедры гуманитарных
 и социально-экономических наук Нижнетагильского
 государственного социально-педагогического
 института (филиала) федерального
 государственного автономного образовательного
 учреждения высшего образования
 «Российский государственный
 профессионально-педагогический университет»,
 доктор исторических наук
 (07.00.02) – Отечественная история),
 профессор

Кириллов Виктор Михайлович

11 сентября 2018 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет»; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; (343) 338 44 47; mail@rsvpu.ru; http://www.rsvpu.ru

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал); 622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57; (3435) 25-48-00; office@ntspi.ru; http:// www.ntspi.ru

Подпись В

СПЕЦИАЛИСТ ПО КАД

